

РОЛЬ ПРЕДПОСЫЛОЧНЫХ ЗНАНИЙ СУБЪЕКТА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ ФИЛОСОФСКОГО СООБЩЕСТВА

В статье предложен анализ одного из аспектов структуры коммуникации – субъекта коммуникативной деятельности в рамках профессиональной познавательной общности – философского сообщества. Анализ предполагает рассмотрение понятия социальности, структуры предпосылочных знаний и их роли в формировании субъекта коммуникации.

Ключевые слова: философское сообщество, коммуникативный процесс, анализ субъекта, социальность, познавательные общности.

Рассмотрение философских сообществ предполагает анализ многих механизмов их формирования и функционирования, таких как способы трансляции знания, формы организации философов, нормы философского творчества и оценок исследования и др. Особое значение имеют коммуникативные процессы, в рамках которых актуализируются те характеристики, которые создают конкретный образ сообщества.

1. Понятие коммуникации в анализе философского сообщества

В XX веке формируется понятие коммуникации как особой сферы общения, в рамках которой происходит передача информации. В широком смысле коммуникация – это передача чего угодно от субъекта (субъектов) к субъекту (субъектам) в любой форме. Данное определение специфицируется с помощью с одной стороны расширения сферы того, что передается в коммуникации, Г.В. Гриненко отмечает, что кроме информации может идти речь о передаче вещей, эмоций, свойств и т. д. [см. Гриненко Г.В., 2003, с. 62]; с другой стороны, расширение задается многообразием способов передачи. При этом можно говорить о вербальных и о невербальных, о непосредственных и опосредованных способах передачи, о различных языках. Общепринятым является представление о том, что язык есть знаковая система, формирующая значение, отличное от самих знаков, и что языки могут быть естественными, то есть сложившимися исторически, и искусственными, то есть сформированными в рамках специализированных научных и дисциплинарных областей для определенных целей. Кроме этой градации И.А. Герасимова предлагает также отличать языки науки, языки поэзии, языки танца [см. Герасимова И.А., 2003, с. 113]. По всей видимости, особые правила функционирования этих языков и будут представлять различные формы передачи информации.

В узком смысле под коммуникацией понимают процесс передачи информации посредством языка (речи) и вербальных текстов между субъектами. В зависимости от аспекта, выделяемого в качестве главного в анализе коммуникации, можно говорить о нескольких видах концепций коммуникации. Во-первых, социолингвистические концепции коммуникации, интерес которых сосредоточен на языковых компонентах, во-вторых, социологические (социально-философские) концепции коммуникации, которые сосредоточены на исследовании формирования социального знания при учете коммуникативных процессов, в-третьих, концепции, которые занимаются анализом собственно коммуникаций как особого механизма, регулирующего формирование и функционирование любых областей. Две первые группы концепций используют понятие коммуникации для исследования других феноменов, последняя группа концепций формулирует теорию коммуникации, которая представлена в современном знании двумя основными парадигмами: теорией речевых актов и функционально-коммуникативной теорией языка. Первая теория рассматривает коммуникацию как структурное образование, которое можно разложить на отдельные коммуникативные действия, подвергаемые впоследствии анализу, вторая теория понимает коммуникацию как целостный феномен, значимый в контексте социальной задачи, которая мотивирует, структурирует и направляет коммуникацию.

В рамках изучения философских сообществ понятие коммуникации может использоваться как особый механизм и сфера формирования и передачи философских знаний. Динамика коммуникационных процессов в философском сообществе может указать на степень консолидированности сообщества, ясность выработанного образа философии и основные принципы философского исследования.

Для исследования коммуникативных процессов в философском сообществе необходимо учитывать несколько аспектов: 1) социальный контекст коммуникации, который может задаваться социальным заказом, идеологией, национальными традициями, научными достижениями, историческими условиями и т. д.; 2) функциональный аспект, который воссоздается как цели и мотивы коммуникации: цели могут диктоваться внутренними потребностями философии, программой противостояния концептуальному противнику (например, представителю другого философского направления, традиции) или внешними (защита философского направления, идеология); 3) нормативный аспект, который связан с разного рода нормами (этическими, аргументационными) в процессе коммуникации; 4) структурный аспект, который включает анализ собственно субъектов коммуникации и конкретных форм (способов коммуникации). Выделение данных аспектов является схематичным, в реальности они взаимосвязаны и основаны друг на друге.

В данной статье приводится попытка анализа одного из элементов коммуникации – субъекта коммуникативной деятельности.

Исследование субъекта коммуникации основано на выявлении объективных возможностей субъекта в процессе познания и на анализе тех факторов, которые сформировали тот или иной образ субъекта. К данного рода факторам относятся исторические условия, язык, область деятельности и субъект-субъектные отношения во временной перспективе и т. п. Субъект – это «социальный результат», выработанный особым социальным контекстом, который рассматривается не как внешнее условие, а как стимулятор формирования внутренних (субъектных) характеристик. Следует отметить, что субъект является именно «социальным результатом», а не «социально пассивным продуктом», социальные характеристики *оказывают воздействие* на формирование субъекта, а не замещают собой все характеристики субъекта. Концепция самоопределения С.Л. Рубинштейна выдвигает принцип «внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия» который и прописывает, каким образом взаимодополняют друг друга социальные причины и собственно субъектные характеристики [Рубинштейн С.Л., 1973, с. 358-360].

2. Социальность субъекта

Неклассическая теория познания вводит в поле философского исследования проблему социальности, которая становится основанием в исследовании субъекта познавательной деятельности и механизмов передачи знания. История этого вопроса уходит в XIX в., когда складываются основные идеи марксизма, который рассматривает знание в качестве «социального продукта». Марксизм настаивал на первичности экономических интересов, формирующих идеологический характер мышления и знания. Используя марксистскую методологию, Мангейм затем утверждал, что «методология, принятая наиболее развитыми науками, была побочным продуктом мировоззрения поднимающейся буржуазии» [Малкей М., 1983, с. 26].

Э. Дюркгейм предложил выделить в человеке две стороны познавательной деятельности: индивидуальную и социальную. Индивид одну часть знания формирует в непосредственном опыте, под прямым действием объектов, другая часть знаний формируется за границами эмпирического познания, в пределах разума, который усваивает коллективные представления. «Коллективные представления – продукт обширной, почти необъятной кооперации, которая развивается не только в пространстве, но и во времени. Для их создания множество различных умов сравнивали между собой, сближали и соединяли свои идеи и свои чувства, и длинные ряды поколений накапливали свой опыт и свои знания» [Дюркгейм Э., 1980, с. 218]. Социальное происхождение этих категорий легко объясняет и их необходимый характер – они носят принудительный характер для индивида и потому безоговорочно управляют всей умственной жизнью индивида. На этом основании Э. Дюркгейм предложил концепцию социального происхождения основных философских категорий времени, пространства, рода, числа, причины, субстанции, личности. Данные категории, по мысли автора, вырабатываются в процессе социальной деятельности из так называемых «коллективных представлений», некоего комплекса социальных знаний, из которого выводятся все остальные представления о природе, организации (сущности) общества в целом и человеке.

Д.Г. Мид рассматривает мышление как процесс, связующий индивида и общество в ходе взаимодействия (интеракции); знания, накопленные обществом, воспринимаются отдельным

человеком не только как руководство к действию, но и как средство ориентации. Д.Г. Мид стремится «рассматривать индивида в контексте социального взаимодействия и взаимосвязи с другими людьми, анализировать такие феномены, как язык, сознание, значение, коммуникация, возникающие в обществе (т. е. в социальном процессе)», а из них вывести феномен знания [Руткевич Е.Д., 1993, с. 20]. Д.Г. Мид пишет: «В подлинном смысле объекты конституируются в рамках социального процесса, в который вовлечен человеческий опыт, посредством коммуникации и взаимного приспособления поведения индивидуальных организмов, участвующих в этом процессе и поддерживающих его» [Мид Д.Г., 1996, с. 221]. Знание, таким образом, не является продуктом познания одного субъекта, а является общественным феноменом, доступным через коммуникацию каждому.

В начале XX века появляется социология знания, которая «...в качестве одной из своих основных задач всегда стремится показать, каким образом специализированные области мышления и знания, такие как эстетика, философская система и моральные, религиозные учения и политические принципы, испытывают воздействие со стороны тех социальных и культурных условий, в которых они создаются» [Малкей М., 1983, с. 6]. В рамках социологии знания принято выделять две традиции: во-первых, постпозитивистски ориентированную социологию знания, которая в первую очередь занимается анализом научного знания, и феноменологическую социологию знания, которая сосредотачивает внимание прежде всего на обыденном знании и повседневных представлениях.

Постпозитивистски ориентированная социология знания пытается выявить те факторы, которые влияют на работу ученого. Холтон утверждает: «Неформальные рассуждения в науке зависят от тех или иных фундаментальных предпосылок, воодушевляющих и направляющих работу ученых; иногда такие предпосылки ведут их к ложным выводам» [Малкей М., 1983, с. 173]. В частности, М. Полани вводит понятие «личностное знание», которое направляет научное исследование, даже на эмпирическом уровне.

Сформированное представление о нормативном характере научно-исследовательского сообщества не позволяет говорить об абсолютной объективности и непредвзятости ученого к процессу исследования, потому что, во-первых,

предварительные условия исследования диктуют ожидания, которые ученый неосознанно предвосхищает, во-вторых, сами нормы зависимы от социального контекста, в-третьих, представления об объективности исследования могут расходиться у различных сообществ. Поэтому современная философия отрицает саму возможность подобных норм.

Феноменологическая социология знания основана на идеях Э. Гуссерля, связанных с понятием интенциональности, философской установкой чистого сознания, феноменологической редукцией, интересубъективностью и жизненным миром. «В какой-то мере жизненный мир отождествлялся Гуссерлем с миром нашего повседневного опыта, наивной субъективностью, т. е. с миром естественной установки, предшествующей научной объективности, но в то же время жизненный мир оказывается у него и «сферой первоначальных очевидностей», сферой интенционально конституирующей деятельности трансцендентальной субъективности» [Руткевич Е. Д., 1993, с. 29]. Установка жизненного мира оказывается первичной и наиболее фундаментальной в человеческом знании.

Эти идеи были последовательно развиты А. Шюцем, который «считал, что лишь незначительная часть нашего знания о мире связана с субъективным опытом, большая же его часть – социального происхождения, т. е. сообщается мне в детстве родителями, учителями, а затем в процессе социализации – самыми различными людьми» [Руткевич Е.Д., 1993, с. 40-41]. «С помощью запаса знания человек создает свой субъективный мир и одновременно познает себя в качестве части социального мира, который является общим с другими людьми и который уже существует, когда человек только вступает на жизненную сцену. В этом объективном мире накоплено знание, которое создали другие люди до нашего появления на свет и которое является общеобязательным» [Абелс Х., 1999, с. 81].

Социология знания показала, что субъект познавательной деятельности есть «...конкретное социоисторическое и социокультурное образование, возникающее и преобразующееся в истории» [Визгин В.П., 1990, с. 37]. Субъект познания не является абсолютным наблюдателем, непредвзятым и открытым объекту, но есть сам продукт некоторой социальной структуры, которая предопределяет его отношение к объекту исследования. Социальность при этом является сферой формирования предпосылочных зна-

ний субъекта, которые затем реализуются в процессе исследования.

3. Структура предпосылочных знаний субъекта

Процессу формирования позиции субъекта присущи феномены, способствующие появлению знания, но не включенные в явном виде в продукт знания. «Это универсальные явления или установки сознания. В то же время в области объективного знания они не могут отчуждаться от обладающего ими индивида, и в этом смысле логично отнести их к человеческим параметрам познания» [Филатов В.П., 1989, с. 192]. К такого рода феноменам можно отнести веру, убеждения, традиции, нормы познавательного сообщества и т. д., которые некритически воспринимаются субъектом в процессе социализации.

Вера создает предпосылку для получения и структурирования субъектного знания. «В самом общем гносеологическом смысле вера есть позиция человека, придерживающегося каких-либо представлений без достаточных эмпирических или рациональных оснований» [Филатов В.П., 1989, с. 196]. То есть сам феномен веры не определяет содержания сознания: верить можно в авторитетное мнение, в правильность научных выводов, в сверхразум или сверхсущество; можно верить в отдельные методы исследования или в определенные идеологические нормы.

Вера может быть направлена на различные явления и феномены, классифицировать объекты веры практически невозможно, в силу разнообразия, можно лишь указать на некоторые планы философской веры. Например, Р. Рорти вводит понятие «искупительной истины» как основания философии в целом: философ именно потому и занимается философией, с его точки зрения, потому что верит в эту «искупительную истину», и вся его познавательная деятельность и направлена на ее поиск. Автор пишет: «Верить в искупительную истину – значит верить, что есть нечто, так же относящееся к человеческой жизни, как элементарные частицы современной физики относятся к традиционным человеческим стихиям, то есть некая подлинная реальность за видимостью явлений, что есть одно истинное описание всего существующего и случающегося, один главный секрет и одна окончательная разгадка» [Рорти Р., 2003, с. 31]. Данное определение наиболее приемлемо для целостных философских систем, которые дела-

ли упор на конструирование онтологической картины мира и поиск сущности, именно они «представляют вещи тем единственным образом, каким они существуют на самом деле» [Рорти Р., 2003, с. 32]. В основании познавательной деятельности таких философов действительно лежит вера в то, что подобную целостную «сущностную» картину мира можно рационально (или иррационально) воспроизвести, рациональность при этом становится механизмом.

Вера может быть направлена не только на какие-либо субъективные тематические элементы, но и на конкретных людей, в этом смысле мы говорим о вере в авторитеты и репутацию. «Философский авторитет и репутация – это проявление доверия к ним членов философского сообщества. Причем «авторитетность» – это, скорее, психологический феномен, феномен личного признания значимости данной личности в истории философии – именно по отношению к ним и их учениям «почтение» превращается в «исповедание». Признание же репутации какого-либо философа – это более когнитивный феномен, предполагающий гносеологическую оценку значимости его профессиональной деятельности и соответствие ее нормам, принятым в философском сообществе» [Баранец Н.Г., 2004, с. 57]. Вера в авторитет или репутацию во многом конструирует познавательный процесс, направляет его: исследователь, доверяющий авторитетам, использует его результаты, методы, движется в его направлении. Субъектом философской веры может быть и отдельный философ, и философская школа, и философское сообщество. Н.Г. Баранец отмечает, что круг ее носителей ограничивается приверженцами одного подхода, школы и направления.

Познавательные традиции являются механизмами познавательной культуры, благодаря которым субъект приобщается к исследовательскому процессу и получает определенные указания к деятельности. «История познания показывает, что начиная с Античности существовали устойчивые и плодотворные философские и научные традиции, каждая из которых время от времени выходила на передний план в длительном, иногда многовековом диалоге, длившемся между ними... Господствующий аристократизм не вытеснял до конца двух других сложившихся в Античности традиций: платоновопифагорейской и атомистической» [Филатов В.П., 1989, с. 236]. Вместе с традицией субъект усваивает некоторые особые предпосылки ис-

следования, механизмы получения знания, нормы обоснования и аргументирования.

В исторической перспективе традиции содержательно развиваются, дополняются новыми идеями, однако общий методологический подход сохраняется.

Кроме того, можно говорить о национальных познавательных традициях, например о континентальной философии и англо-американской философии. Под этими терминами чаще всего имеется в виду трансцендентальный характер континентальной философии и преимущественно аналитический характер англо-американской философии. В качестве примера можно привести и русскую философию, любой общеобразовательный современный учебник по русской философии выделяет особые черты, отличающие ее от западной традиции.

Познавательные традиции задают и особые нормы аргументирования позиций. Анализ И.А. Бесковой традиции аргументации мистиков показывает глубокую разницу между западной и восточной философией. Если «...европейский мистик-учитель пытается убедить своего слушателя», то «восточный – потрясти и дезориентировать. Европейский учитель делает акцент на том, чтобы расширить восприятие слушателя, показав, что то, что ему недоступно, не так уж непонятно». Восточный мистик «хочет, чтобы новое мировидение утвердилось не за счет трансформации предыдущего (т. к. считает, что это невозможно), а за счет полного отказа от него, его разрушения» [Бескова И.А., 2003, с. 336].

Большую роль в процессе усвоения традиций играет образование, которое задает принципы и образцы исследования. М. Шелер пишет о так называемом образовательном знании, «оно предполагает не «применение» понятий, правил, законов, но обладание вещами и непосредственное видение вещей в определенной форме и смысловом контексте, т. е. их понимание и осмысление» [Микешина Л.А., 2002, с. 235]. Образование задает субъекту определенную систему знания, с помощью которой субъект структурирует новые полученные знания и интерпретирует другие.

Однако нельзя говорить о негативном влиянии традиций на формирование убеждений субъекта. Включаясь в традицию, субъект всегда имеет возможность изменить, перенаправить традицию, используя только ее часть или общеметодологический подход к исследованию. Кроме того, традиция предоставляет всегда готовые

нормы познавательной деятельности, которые можно использовать в своих исследованиях.

Традиции и вера, к которым субъект общается в процессе социализации, формируют индивидуальную картину предпосылочных знаний. Последние становятся основанием интерпретации всех других знаний под особым углом зрения. Этот феномен необходимо учитывать, когда речь идет о взаимодействии двух (и более) субъектов в коммуникации, когда речь идет о взаимодействии двух (и более) различных систем предпосылочных знаний, которые могут не только не совпадать, но и быть противоположными друг другу.

4. Значение предпосылочных знаний субъекта в процессе коммуникации

Особенно важным социальный запас знания является при анализе коммуникации в философском сообществе, что диктуется спецификой самой философии, которая конструирует свои рассуждения в тесной связи с социальными и культурными реалиями эпохи, общества и т. д. «Тот или иной философ, разрабатывая свою систему, начинает с того, что усматривает в образе жизни людей, в предметных измерениях культуры своего времени, в опыте духовно-практического освоения мира человеком некую, находящуюся до него вне поля зрения общества реальию, придает ей статус смысложизненной ценности, с позиций этой ценности как исходной теоретической рамы критикует, оценивает, учит понимать принятые в обществе ориентации, нормы и образцы» [Кураев В.И., Лазарев Ф.В., 1986, с. 650]. Философское исследование есть собственно попытка теоретической реконструкции социальных и культурных реалий, что соответствует такому определению философии, данному М.К. Мамардашвили: «философия представляет собой рефлексию над основаниями культуры» [цит. по Степин В.С., 1996, с. 11]. Поэтому учет социального запаса знаний в рамках философского сообщества необходим для восстановления контекста самой коммуникации.

Кроме того, философское знание не является монолитным, не представлено как всеобщая методологическая программа, обязательная для всех, а является многопарадигмальным. Философия представляет собой совокупность различных философских традиций, у каждой из которых свои аксиомы и методологии. Каждая из философских традиций представляет собой особый познавательный контекст для субъек-

та, в котором формируются его предпосылочные знания, которые затем влияют и на коммуникативный процесс.

Л.А. Микешина пишет: «Коммуникация между людьми содержит больший объем значимой информации, чем ее словесное выражение, поскольку в ней необходимо присутствуют также неявное, фоновое знание, скрытые смыслы и значения, подразумеваемые участниками общения, что и требует специального истолкования и интерпретации» [Микешина Л.А., 2002, с. 332]. Этот феномен связан с тем, что каждый из участников коммуникации обладает собственным набором предпосылочных знаний, которые могут не осознаваться ни самим этим субъектом, ни другим (другими) участниками коммуникации. В ситуациях, когда социальный контекст и общие предпосылки у участников коммуникации являются в той или иной мере общими, коммуникация упрощается для самих участников, но усложняется для тех, кто анализирует коммуникацию позднее.

Разница между актуализированным одним субъектом знанием в коммуникации и знанием, воспринятым другим участником коммуникации, может быть результатом различных причин. «Возникшее непонимание... может быть результатом ошибки (одни из субъектов неправильно понимают смысл какого-то слова в составе текста...), следствием использования многозначного термина (различные субъекты используют различные смыслы этого термина),

изменением смысла выражения под влиянием контекста использования и т. д.» [Гриненко Г.В., 2003, с. 66] или разницей между картинками мира субъектов. «Так, например, споры между материалистами и идеалистами, меду августицианцами и томистами, между буддистами и брахманистами (всех ортодоксальных школ) предполагают нетождественность» картин мира, «тогда как внутренний спор между материалистами, томистами и т. п. предполагает, напротив, их тождественность» [Гриненко Г.В., 2003, с. 68]. Для реконструкции того, что имел в виду субъект коммуникации, необходимо понимать в той или иной мере те предпосылки, аксиомы и методологии, которые сформировали убеждения субъекта, а затем реконструировать те смыслы, который вкладывал автор в сообщение. От степени понимания воспринимающим субъектом зависит и степень эффективности коммуникации, которая просматривается как количество новых полученных знаний или степень точности уже сформированных.

Таким образом, данный анализ показывает, что субъект коммуникативного процесса должен рассматриваться при учете всех своих специфических познавательных характеристик, которые формируют регулятивы, задающие определенный тон коммуникации. От степени охвата познавательных особенностей субъекта будет зависеть степень понимания содержания самой коммуникации.

Список использованной литературы:

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию/ Пер. с нем. яз. под общей редакцией Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. – 272 с.
2. Баранец Н.Г. О вере, репутациях и авторитетах в философии // Вопросы философии, 2004, №4. С. 54 – 57.
3. Бескова И.А. Аргументация мистиков (опыт когнитивного исследования) // Мысль и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 2003 – С. 323-356.
4. Визгин Вик. П. Истина и ценность // Ценностные аспекты развития науки / В.П. Визгин, М.Б. Туровский, Л.Б. Баженов и др. – М.: Наука, 1990. – С. 36-51.
5. Герасимова И.А. Имя, образ, понятие // Мысль и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 2003 – С. 113-144.
6. Гриненко Г.В. Аргументация и коммуникация // Мысль и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 2003 – С. 58-89.
7. Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX в.) Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 211-235.
8. Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Основания научного знания. Рефлексия и рациональность // Вопросы философии, 1986, №5. С. 49–61.
9. Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983. – с. 256.
10. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс – Традиция, 2002. – 624 с.
11. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты/Под. ред. В.И. Добренкова. – М.: Издание международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 213–221.
12. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии, 2003, №3. С. 30–41.
13. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: «Педагогика», 1973. – 424 с.
14. Руткевич Е.Д. Феноменологическая социология знания. – М.: Наука, 1993. – 272 с.
15. Степин В.С. Философская мысль в динамике культуры // Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. М., 1996. – С. 6-28.
16. Филатов В.П. Научное познание и мир человека. М.: Политиздат, 1989. – 272 с.